

Как и множество дней назад, на рассвете снова прозвенел колокол, звуки которого разнеслись по горам вокруг вместе с ветром. Казалось, звук этого колокола будет слышен здесь вечно, даже через многие сотни лет.

Стоя снаружи под лучами рассветного солнца, Зевул внимательно слушал.

Он спокойно закрыл глаза, словно хотел почувствовать звук внутри своей души. Снаружи он совсем не изменился, но ему казалось, что внутри него стало больше простоты и меньше злости.

Или может быть, так подействовало заклинание Скайи?

Среди монахов Скайи каждый, после пробуждения Зевула, обдумывал этот вопрос.

День назад, когда Зевул пришел в себя, Пухон внимательно его осмотрел и не нашел никаких повреждений, и только чтобы еще раз убедиться, что его раны зажили, Мастер попросил Зевула остаться в Скайе еще на несколько дней.

За все это время Зевул стал еще более молчаливым, и хотя другие монахи сторонились его, Пухон и Фасян по-прежнему проявляли заботу о его здоровье. Да и сам Зевул особенно никуда не выходил, не сталкивался с другими людьми, и только проводил время во двореке, слушая колокол по утрам.

«Бом...»

Раздался последний удар, эхо от которого прокатилось далеко через весь храм и затем утихло. Только после этого Зевул медленно открыл глаза.

Он стоял на рассветном ветру, и дыхание его было спокойным, но внутри ему казалось, что он готов взлететь. Монахи Скайи не понимали этого, только сам Зевул мог почувствовать это внутри себя.

Четвертый том Либруса, появившийся на Стене Без Слов, оставался загадкой для посторонних, и похоже, Зевул был единственным живым человеком на свете, прочитавшим три тома Либруса. Поэтому он сразу же понял, что означают слова на Стене.

Для него это было ключом ко многим вопросам, возникавшим в процессе тренировок своего уровня, и сейчас перед ним открылся новый путь, широкий и бесконечный. Ему казалось, что на этом пути его непременно ждет успех, и он сможет достичь высот, о которых даже не мечтал.

Он по-иному теперь смотрел на многие вещи и многих людей, а так же по-другому взглянул на свое прошлое.

Однако, несмотря на такое замечательное происшествие, в душе у него было какое-то странное чувство потери, которое он не мог объяснить. Иногда его начинали одолевать совсем невеселые мысли.

Пока Зевул так стоял здесь, никто не мог знать, о чем он размышляет, и никто не приходил его проведать. Пока он сам, наконец, не развернулся и не вышел из маленького дворика, первый раз со дня пробуждения.

Покинув этот двор, он даже не обернулся.

Зевул медленно поднялся по ступеням, которые когда-то сотворил монах во славу Будде. Сейчас по ним прошло уже множество людей, но лишь немногие знали, что стало с прахом того монаха.

Он шел по лестнице, и ступени мелькали перед его глазами, принося ощущение покоя. Эти ступени остались такими же, как и раньше, еще до разрушения Стены Без Слов.

Или, может быть, теперь небеса все же смотрели на него по-другому?

Зевул не знал этого, да и не желал знать. Он просто шел по этому пути, молча возвращаясь назад в своих воспоминаниях. Так он и дошел, наконец, до Небесного Монастыря в горах.

Здесь все было по-прежнему спокойным. Зевул медленно подошел к двери и услышал, как за ней кто-то разговаривает.

Он постучал.

Голоса внутри затихли, кто-то даже удивленно вздохнул, и через миг раздался скрип двери – на пороге появился Фасян.

Увидев Зевула, он улыбнулся. Зевул кивнул в ответ. «Мастер у себя?»

Фасян с улыбкой отодвинулся в сторону. «Да, прошу,ходи!»

Зевул вошел внутрь и увидел, что Пухон все так же сидит на кровати, глядя на него с улыбкой. Зевул подошел ближе и поклонился. «Мастер».

Пухон посмотрел на Зевула с ног до головы, затем вдруг кивнул. «Не думал, что за такое короткое время ты полностью восстановишься! И твой уровень стал намного выше! Мои поздравления!»

Зевул поднял бровь, но ничего не сказал. Только Фасян с удивлением также посмотрел на Зевула.

Помолчав немного, Зевул опустил голову и сказал: «Несколько дней назад из-за меня была разрушена Стена Без Слов, меня это очень беспокоит».

Пухон только покачал головой, просто сказав: «Это не так уж важно, не стоит думать об этом».

Зевул даже замер от удивления. «Но ведь это была драгоценная святыня Скайи!»

Пухон сложил руки в молитве. «Все в мире циклично, все рождается и умирает, кто знает, что ждет впереди? То, что драгоценно сегодня, завтра может рассыпаться в прах. Если ты присмотришься,» он указал на окно, «то увидишь, что за стенами Скайи еще много других камней. И все они когда-нибудь исчезнут. В этом и состоит суть нашего учения».

Зевул кивнул. «Да. Но... сегодня я пришел, чтобы попрощаться с вами, Мастер».

На лице Пухона не было ни тени удивления, словно он давно уже ждал этих слов. Он только кивнул и сказал: «Если ты хочешь уйти, я не могу тебя удержать. Только, до того, как ты нас покинешь, я бы хотел тебе кое-что сказать»

«Прошу вас, Мастер, говорите».

Пухон сказал: «Ты пережил за это время много трудностей, но все же сумел пройти через них. И я вижу, что сейчас тебя одолевают какие-то размышления, это так?»

Зевул, немного помолчав, кивнул. «Вы очень прозорливы, Мастер. Я как будто вновь родился, в душе я чувствую себя именно так. И глядя на свою прошлую жизнь, я чувствую печаль и тоску».

Глаза Пухона блеснули. «Ты очень мудрый человек, если сам смог в этом разобраться. Так может, забудешь о прошлом и все-таки останешься с нами? Я помогу тебе сделать так, что вместо всех печальных мыслей в твоей душе воцарится покой».

Зевул молча встал и поклонился Пухону. Затем просто сказал: «Вы очень добры ко мне, Мастер. Я безмерно благодарен. Но даже если у меня и есть такие мысли, я не могу покинуть мир и стать монахом. Еще есть много вещей, которые держат меня там, снаружи».

Пухон спокойно кивнул. «Будда говорит: цвет – это пустота. Все радости и печали нашего мира, гнев, месть, страсть – всего лишь чувства, затмевающие разум и уничтожающие покой. Почему ты так к ним привязан?»

Зевул вдруг громко рассмеялся и развернулся, уходя прочь. Напоследок он сказал: «Мастер, это не так. Если цвет – это пустота, то и в пустоте есть цвет. Вы говорите, что я должен все забыть, но никто не говорит мне, как это сделать. Я живу в этом мире и всю жизнь сталкиваюсь и с болью, и с радостью, с гневом и местью. Вы хотите, чтобы я оставил это все ради покоя, но разве тогда я смогу остаться собой?»

Его слова звучали все тише, и в конце концов стали не слышны, когда он покинул комнату.

Фасян долго молчал, затем обратился к Пухону: «Мастер, вы столько раз пытались его уговорить, как жаль, что...»

Пухон просто сказал: «Боюсь, что в мире больше нет людей с таким уровнем, как у него. Но он такой человек, что... не может так просто отказаться от тьмы в своем сердце. Нам остается только наблюдать со стороны, что станет с ним в будущем».

Фасян опустил голову, сложил руки в молитве, но ни слова не произнес.

Покидая Небесный Монастырь, Зевул задержался на пороге и задумался, и вдруг, посмотрев направо, увидел на земле камень, высотой в половину человеческого роста.

Он подошел к камню и внимательно осмотрел его. Весь камень был покрыт трещинами, но на нем не было ни единого иероглифа, ни следа чьих-то рук.

Зевул нахмурился и задумался. Вдруг его глаза сверкнули, его привлекло одно маленькое место на этом камне.

Было очевидно, что все эти трещины появились на камне за многие годы от дождя и ветра. Только в одном месте можно было разглядеть какой-то предмет, едва различимый среди трещин.

Зевул протянул руку и протер камень от пыли. Приглядевшись, он увидел, что это была морская раковина, которая от времени превратилась в камень, став одним целым с ним. Внимательно посмотрев на камень, Зевул не нашел больше ничего необычного.

Его взгляд снова вернулся к раковине. Неужели Мастер Пухон хотел показать ему эту простую ракушку? Какой смысл она несла?

Он снова восстановил в памяти все, что сказал ему Мастер Пухон, и снова посмотрел на ракушку. Глаза его сверкнули. Среди гор вокруг на многие ли не было ни следа моря. А этот камень, очевидно, был рожден здесь, в горах. А значит, когда-то очень давно, многие тысячи тысяч лет назад, здесь бушевали волны океана.

Человеческая жизнь по сравнению с жизнью всего мира не значит ничего, она незаметна, как песчинка в море.

Но только... он молча повернулся к Монастырю и поклонился до земли. На его лице сейчас была спокойная умиротворенная улыбка.

Сверкнул яркий свет, и Зевул, обратившись зеленой вспышкой, взлетел в небо, исчезнув среди облаков.

Забывать!

Как это можно забыть?

Мир огромен, но и он не может сравниться со светом человеческой души, который в любую

секунду может исчезнуть.

Горы Айне, Пик Большого Бамбука.

Прошло уже много дней со времени битвы в Айне, но все это время Шен Доул не спускал глаз с учеников Пика Большого Бамбука. Они старались вести себя крайне осторожно, но от постоянных приказов и напоминаний это не спасало. И хотя ученики Пика понимали, что Мастер всего лишь беспокоится о будущем Айне, их это уже начинало раздражать.

Только лишь в последнее время контроля стало немного меньше, и жизнь на Пике Большого Бамбука вошла в привычное спокойное русло. У Даи и Хэ Дачжи постепенно поправились, под присмотром Сурина они скоро встали на ноги и смогли ходить, только заниматься тренировками и работать им пока запрещалось.

Как и было заведено, во время уборки комнат учеников, прибиралась и комната Седьмого ученика. Сегодня Ксавьон и Ду Би Шу снова пришли сюда вместе.

Они разговаривали и смеялись, входя в этот двор, как и многие дни до этого.

Но в это раз посреди спокойного дворика перед ними вдруг мелькнула какая-то серая тень.

Эта тень была очень быстрой, но Ксавьон и Ду Би Шу все же ее заметили. Они оба вздрогнули и тут же бросили все, что было у них в руках, бросившись вдогонку. Но только тени и след простыл, они вдвоем обыскали весь двор, даже все комнаты до последней, но совсем ничего не смогли найти.

Остановившись посреди двора, они переглянулись. Ксавьон, нахмурившись, сказал: «Неужели, нам показалось?»

Ду Би Шу почесал голову в задумчивости, и только хотел ответить, как вдруг удивленно замер и тихо прошептал: «Брат Ксавьон, посмотри туда!» И указал за спину Ксавьона.

Ксавьон торопливо оглянулся и увидел, что Ду Би Шу показывает в сторону комнаты младшего брата. Дверь в нее была крепко заперта, но вот створки окна почему-то были закрыты неплотно. Здесь теперь никто не обитал, и окно тоже должно было быть закрытым...

Ксавьон и Ду Би Шу снова переглянулись, увидев на лицах друг друга удивление. Ксавьон, немного придя в себя, тихо произнес: «Идем, посмотрим кто внутри».

Ду Би Шу почему-то заволновался и, кивнув, вдруг тихо сказал Ксавьону: «Старший брат, ведь это не может быть... не может быть Седьмой...»

У Ксавьона слегка дернулся угол глаза, очевидно, он и сам думал о том же. Но сейчас эта мысль повергала его в ужас – если они и правда сейчас увидят своего младшего брата, как они

должны отреагировать?

Когда рука Ксавьона коснулась двери, они с Ду Би Шу снова переглянулись. Затем, немного успокоившись, Ксавьон сжал зубы, набрал воздуха и громко сказал: «Кто здесь?» С этими словами он резко толкнул дверь.

Почти в тот же самый миг внутри комнаты метнулась та же серая тень, словно напуганная чем-то, она бросилась сначала на стол, потом на кровать, завертелась на месте и, тараща огромные глаза, бешено закричала на непрошенных гостей.

«Аш!»

Крик Ксавьона и Ду Би Шу разлетелся по двору.

«Бум».

Аш выплюнул на пол фрукт изо рта и, взяв еще горсть фруктов в лапы, радостно откусил половину. В Зале Тишины Пика Большого Бамбука сейчас весь пол был завален фруктами, недоеденными Ашем. Повсюду валялись косточки и кожура, так что даже сложно было пройти.

Сейчас все люди Пика Большого Бамбука собрались здесь. Даже Тянь Болис, которого всегда легко было разозлить, увидев эту картину, только нахмурился, но ругаться не стал. Однако его лицо стало серьезным, словно он о чем-то задумался.

За прошедшие десять лет, и это было всем известно, Аш всегда находился рядом с тем человеком, и никогда его не покидал. Сейчас Аш был здесь. Но где же тогда...

В тот день, у Лунной Обители на Пике Вдовы, Ксавьон и остальные братья своими глазами видели Зевула. И также они видели, как сильно он был ранен Убийцей Богов. Затем в погоню за ним бросилось множество людей, и хотя после этого они больше ничего о нем не слышали, ходили слухи, что Зевул был спасен кем-то неизвестным.

Но почему Аш теперь оказался здесь?

И если Аш здесь, то где же тогда Зевул?

Одни и те же вопросы сейчас возникали у всех присутствующих, приводя их в замешательство. И только один Аш в Зале Тишины радостно поедал принесенные фрукты, совершенно ни о чем больше не беспокоясь, в отличие от всех остальных.

Йелла.

Этот пес, страшно обрадованный, совершенно не обращая внимания на темное лицо хозяина, с громким лаем ворвался в Зал Тишины и закружился вокруг стола, на котором сидел Аш. Он то и дело вставал на задние лапы, опираясь на стол, и нюхал мордочку Аша, облизывая ее

шершавым языком.

Аш радостно рассмеялся, почесал затылок, схватил большое яблоко, и, показав его Йелле, выкинул фрукт из Зала Тишины. Йелла, громко гавкнув, тут же бросился в погоню, вылетев вслед за яблоком как ошпаренный. Все вокруг удивленно посмотрели ему вслед, и увидели, что пес успел схватить яблоко еще до того, как оно упало на землю. Потом он сразу же примчался обратно и, оперевшись на стол, расслабил челюсти. Яблоко покатилося по столу.

Все вокруг замерли от удивления, а Тянь Болис возмущенно фыркнул.

Один Аш радостно засмеялся, он был очень рад старому другу. Согнув хвост кольцом, он спрыгнул со стола и приземлился на спину Йеллы, обняв пса обеими лапками.

Йелла, не переставая лаять, выбежал прочь, вместе с Ашем на спине. Наверное, они помчались играть в бамбуковый лес.

Ксавьон посмотрел на Сурин и Тянь Болиса, поднялся на ноги и только хотел вернуть обоих животных назад, как услышал холодный голос Тянь Болиса: «Пусть убираются! Эта обезьяна много лет жила в здешних горах, побеждает-побеждает, и вернется снова».

Ксавьон кивнул и медленно сел на место.

Тянь Болис помолчал немного, затем сказал: «Кроме этой обезьяны, ты и Шестой брат больше никого не видели?»

Ксавьон и Ду Би Шу покачали головой. «Нет».

Лицо Тянь Болиса потемнело еще больше, он вдруг взмахнул рукой и сказал: «Ладно, все вон, все вон!»

Ксавьон и остальные ученики переглянулись, но поспорить они не могли, и поэтому медленно покинули Зал Тишины. Только уходя, Хэ Дачжи посмотрел на Сурин и сказал: «Госпожа, может быть, мы уберем весь этот мусор?»

Сурин еще не успела ничего ответить, как Тянь Болис гневно вскрикнул: «Завтра уберете, я же сказал вам уходить, разве не ясно?»

Хэ Дачжи как будто облили холодной водой, он поспешно вышел, и в Зале стало тихо.

Сурин посмотрела на Тянь Болиса и сказала: «Почему ты сорвался на них ни за что?»

Лицо Тянь Болиса было темным, он прошелся туда-сюда несколько раз по Залу и, вдруг подняв взгляд на Сурин, сказал: «Ты думаешь, Седьмой... хм... тот человек, может быть где-то поблизости?»

Сурина, немного подумав, просто сказала: «Тот человек всегда отличался прямоотой. Если бы он хотел с тобой встретиться, он бы непременно сделал это. Но в его положении... нельзя так просто появляться здесь, на людях».

Лицо Тянь Болиса изменилось, в его глазах появилось странное выражение.

Сурина посмотрела на мужа и вздохнула. «Я знаю, о чем ты беспокоишься. Тогда, у Лунной Обители, он был тяжело ранен. Но он не погиб, ты разве не слышал, что какие-то неизвестные спасли его? Когда Ксавьон рассказывал нам об этом, он упомянул, что Аша не было рядом с ним. Я думаю, что он чувствовал опасность, и потому не стал брать обезьянку с собой. И Аш, не найдя следов хозяина, вернулся в родные края. В этом нет ничего удивительного».

Тянь Болис нахмурился и что-то вдруг пробормотал, как будто ругаясь на кого-то.

Сурина не расслышала его слов и переспросила: «Что?»

Но Тянь Болис не ответил, только нахмурился и вышел из Зала Тишины. Сурина, посмотрев ему вслед, пожала плечами, не в силах ничего изменить.

Но как только она отвернулась, то услышала странный вздох Тянь Болиса. В испуге обернувшись, она увидела, что Тянь Болис слегка покачнулся – он наступил на одну из косточек, которые выплюнул Аш. И хотя ему сразу же удалось обрести равновесие, Сурина, увидев эту картину, громко рассмеялась.

Тянь Болис даже покрылся потом, выставив себя перед женой в таком свете. Его лицо даже слегка стало чернеть, и он громко и яростно стал ругаться. «Чертова обезьяна, вот увидишь, я сниму с тебя шкуру, посмотрим тогда, как ты попробуешь выплюнуть хоть одну косточку!»

Договорив, он, не оборачиваясь, ушел во Внутренние покои. В зале остались только фруктовые косточки и залиvistый смех Сурина.